

проявлением воли Господней на протяжении всех 20 лет этого эпохального события, приведшего к гибели Ливонского государства. Чудеса как бы предвещали эту развязку существования противоестественного государственного образования, волею судьбы предназначенного для существования в тесном единстве с балто-славянским массивом, языком и обычаями, столь близкими и родственными коренным славянам.

О силе действия чудотворных икон Богоматери и святителя Николая летописи рассказывают под 1558 годом – годом начала Ливонской войны.

«Ругодив загорелся от того, что чюдин варил пиво, да образ чудотворца Николая тот чюдин под котел, и от того пламень шибся и весь город выгорел, а образ «съблюдеся цъл» Воевода Афанасий Басманов взял град и тут же в городе нашли пречистыя Богородицы образ Одигитрия и Николая образ в пепелу цълы. Того же месяца взяли Сыронец городок и Адож городок (это не латышские Адажи!) «А то ть образ чюдотворныя царь и великий князь велел богомольцу своему архиепископу Пимену послати из Новагорода юрьевского архимандрита Варфоломея около городов Ивангорода и Ругодива со кресты ходили и молебны пьли и церкви освещали, и за тьми образы и до Новагорода послъдовали. Новгородский Пимен с боярами встретил ть образы у скудельницы, а на Москвь царь и митрополит».

Достоверно известно, что во время осады русским войском Нарвы, принадлежащей Ливонскому ордену, 11 мая 1558 года в Нарвской крепости случился сильный пожар. Выгорел почти весь город. Так что русские без труда переправились через реку Нарову и пленили немецкий

гарнизон, взяли город, а пленников потом отпустили. Когда жители стали искать причину страшного бедствия, то открылось следующее чудесное явление. Псковская летопись гласит: «Того же лета, Божиим гневом загорелся немецкий Ругодив (древнее название Нарвы), месяца мая 11 день, а сказывают от того: варил чюдин пиво, да образ Чудотворца Николая тот чюдин под котел подкинул, и от того пламень шибся и весь город выгорел, а образ соблюдеся цел. И наши воеводы с Ивангорода Алексей Басманов с товарищи видев ту их гибель, Божиим гневом, и вскоре прешли реку Нарову, и, приступив, взяли город; а немец отпустиша и чудь из града, и туто же нашли Пречистыя Богородицы образ Одигитрия Пятницу и Николин образ в пеплу целы» (Сказания князя Курбского. Часть 1. Цит. По кн.: Петров А. Город Нарва. Его прошлое и достопримечательности. СПб, 1901, с. 74-75).

Участие латышей в военных действиях Ливонского двадцатилетнего похода Ивана Васильевича – мало или почти совершенно не исследованная тема. На нее как на существенную и важную указывал в свое время председатель общества русских историков Латвии Ершов. И она до сих пор так и не изучена. Однако, что такой поворот в исследовании вполне возможен. Об этом свидетельствует отметка у Карамзина, почерпнутая им из Архивной летописи (гл. 312–314):

«Прибежали к воеводам два латыша, а сказали, что майстер и бискуп от Керпети побежали, и воеводы отпустили воеводу же А.И. Шеина, да Дан. Ф. Адашева из Керенети (...) и пошли за ним же».

Б. Инфантьев

Этнографические экскурсии Андрея Пумпура – автора латышского эпоса «Лачплесис»

1. О Смоленске. Путевые зарисовки

В той стороне Смоленской губернии, где легкая песчаная почва, мы видели таких же мужчин, занимавшихся на полях сельским хозяйством, похожих на тех, которых мы видели по Даугаве, приезжающих на стругах в Ригу, и затем по придаугавским дорогам пешком отправляющихся далее. Вся их одежда состоит из плетеных лаптей, штанов из грубого полотна, такой же рубашки и куцего кафтанчика. На голове носят светлую шапку без полей из войлока. Такую одежду они не меняют ни зимой, ни летом. Насколько примитивна их одежда, настолько же примитивны их дома и орудия труда. Их деревни состоят из деревянных хат, обмазанных глиной, с соломенными крышами. И все же уже Смоленская губерния издавна известна своими ремеслами. Глазурными красками покрытые липовые ложки, блюда и другая посуда, которую и в Риге продают на торговой площади, также различные вещицы, выделанные из березовой коры, льняные дорожки и рогожи, которые продаются в большом количестве, а также далеко известные смоленские пряники.

2. Как казак гуся жарил

Особенно оригинально, своеобразно казаки умеют жарить гусей. Они вырывают в земле неглубокую ямку, закладывают в нее сухие дрова и зажигают. Пока дрова горят, они гуся перерезают живот, вынимают кишки и вместо них засовывают гусиную голову. Затем гуся со всеми перьями обмазывают глиной так, чтобы все это выглядело как глиняная бомба. Эту бомбу они бросают в огненную яму и постоянно переворачивают до тех пор, пока она становится совсем красной. Затем вынимают бомбу кольями, разламывают. Из горячей бомбы вываливается голый гусь, сочный и испеченный самым лучшим способом. Перья все остаются в глине.

3. Русский солдат

Русский солдат быстро не устает. После смотров, где на горячем солнце их рубашки можно было бы выкручивать, они по вечерам выходят из лагеря на плац – барабанщики с барабанами и бубнами, музыканты с рогами и флейтами, – и начинается совместное пение с плясками. После песен разные игры: «Первая пара вперед», «Кот и мыши», «В большом ряду» и другие.

4. Из путешествия на Кавказ

Ехал я из Двинска в Саратов через такие большие города: Витебск, Смоленск, Орел, Елец, Грязи и Тамбов. От Двинска до Орла земля особенно же отличается от Балтийских губерний: холмы, долины, леса и болота. Люди живут в деревнях, как вообще в средней России. Жилые дома – маленькие, деревянные или глиняные с соломенными крышами. Только изредка, как исключение, церкви, которые всегда посреди деревни. Высятся какое-нибудь большое двухэтажное господское здание из кирпича или камня, но с балтийскими мызами они не могут сравниться.

За Орлом почва меняется: там начинается так называемый чернозем. По Орловской, Тамбовской, Новочеркасской губерниям до Царицына, где только железная дорога проложена на юго-восток, нигде не увидишь никакого леса, а также совсем мало зелени. Там земля уже принимает степеобразный вид. Небозримые обработанные поля и также оставленные под паром, с редкими холмиками и оврагами, в которых текут небольшие

речушки. По берегам речушек находится больше всего крестьянских деревень, иногда увидишь какую-либо рощу, лиственных деревьев или какой-либо зеленый лужок, иначе общий вид весьма однообразен.

Области этих губерний славятся плодородными землями. Но проезжая летом и осенью, я не замечал на обширных полях не только пшеницу, но и вообще хорошо выросшие зерновые. Земля, кажется, действительно плодородная, черная и рассыпчатая, с глубоким пахотным слоем, с глиной и твердым слоем основы под ним. Такой почвы у нас отыскать можно очень редко. И все же там не видно зажиточных крестьянских деревень, хороших, добротных домов. В хатах с ободранными крышами живут тамошние хуторяне, хлеборобы. Приходится слышать, что хозяин, у которого свой конь и несколько коров, уже считается зажиточным человеком, но находятся и такие землевладельцы, у которых нет ни коня, ни одной коровы.

Борис Инфантьев

Черная сотня, драгуны, солдаты – усмирители в романе Андрея Упита «Северный ветер» (Из цикла «Робежниеки»)

Стр. 511. **Появляются драгуны.**

Драгуны бегают по пустой платформе, будто кто-то кого-то ловит или разыскивает. Только что возвратившийся жандарм, позвякивая шпорами, расхаживает вдоль станционного здания и с высокомерной усмешкой заглядывает в окна, где телеграфист молча сидит у своего аппарата. Драгунский офицер в повелительной позе сидит за столом и допрашивает начальника станции.

Стр. 512. Двое драгун с шашками наголо ведут помощника начальника станции. У солдат такой вид, точно они готовы в любой момент ударить, если конвоируемый хоть немного отклонится от своего пути.

В кирпичном доме за станцией маленькая лавчонка. В нее вламываются пятеро пьяных солдат. Лавочница на минуту вышла. Полки до полна набиты товаром. Один из солдат перепрыгивает через прилавок и начинает набивать карманы пачками папирос. Другой, перевесившись, загибает из раскрытого ящика изюм, третий грохает прикладом винтовки об пол и зовет хозяйку. Остальные двое держат винтовки наготове и красными, злыми глазами смотрят вокруг.

В заднюю дверь входит коренастая женщина с ребенком на руках. Увидев, что происходит, начинает отчаянно кричать и бросается защищать свое имущество. Удар прикладом в грудь отшвыривает ее обратно к дверям. Защищаясь, она прикрывает свободной рукой лицо. Надрывается ребенок.

– Сдать оружие! Выдать бунтовщиков! – кричат солдаты. И роются в лавочке. Выдвигают ящик с кассой, открывают коробки, сбрасывают все с полок, запертые

взламывают, бросают дальше в жилое помещение, сбрасывают все с полок. Вопила женщина, надрывался ребенок.

Офицер стоит на платформе, посреди своих драгун и отдает приказания. В руке у него лист бумаги с какими-то списками.

Стр. 516. Латышские учителя делятся на две категории, философствует офицер, прикуривая новую папиросу от только что выкуренной, – революционеры и дураки. Дураки и революционеры.

Стр. 517. А офицер смотрит, выкатив грудь, издевательски презрительно улыбаясь. Смотрит, – но искусственная, издевательская усмешка невольно исчезает, и руки начинают нервно шарить вниз и вверх начинают двигаться быстрее. Но вдруг они сжимаются в кулаки. На щеках выступают красные пятна.

– Что? Что скажешь?

– Убийцы! – повторяет девушка.

Забыв все свое достоинство, офицер с поднятыми кулаками бросается на девушку. Стучит ногами так, что шпоры нелепо бренчат.

– Молчать! Молчать! Разбойничья шлюха! Сука проклятая! По морде ее! Бейте!

Стр. 521. Драгуны избивают старого Робежниека (отца революционера и либерала – сочувствующего писателя, автора романа).

– Ну-ка вставай, отец ты мой милый. Батюшка ты мой родной...

– И вдруг он рычит искаженным от зверской злобы голосом: Вставай, скотина!